

МЕРАЙЛИ

НЕЗАВЕРШЕННОЕ

Поэма

© Мерайли, 1972–2012

<http://unism.narod.ru/mer/index.htm>

<http://unism.pjwb.org/mer/index.htm>

<http://unism.pjwb.net/mer/index.htm>

© Допускается копирование текста в любой форме, целиком или частично, с любыми изменениями, включая перевод на другие языки, с любыми целями (в том числе коммерческими), при условии, что это не ограничивает свободы распространения данного оригинала.

ПОЭМА

Читатель — еще один — надо же!

Ну, стало быть, привет!

Каким, так сказать, ветром?

Или — чем обяжете?

Я тут пока

один —

ваяю,

что к слову

клеится...

Ну и

наплодил —

коллекцию

штучек-строчек...

Но хочется

каких-то

косматых высот —

пройтись

по Парнасу

демоном! —

чтобы не как все!

И вот,

решил

написать поэму.

Поэма — забытый жанр.

Сплошное высоколобие.

Поэма —

как динозавр,

затерянный

в глинах Гоби.

Поэма —

скалистый колосс,

изъеденный

терпким ветром...

И что меня понесло
в эдакое ретро?
Но коли уж
назвался —
лезь.
Схватился —
изволь дюжить.
Даже тупое лезвие —
холодное оружие.
А стало быть,
если что —
сразу с тебя спросится!
И не когда-то
потом,
как цыпленка по осени,
а прямо сейчас,
здесь,
не выходя из шкуры...
Короче:
вали, что есть —
но без халтуры.
Не грешить,
не спешить,
но решить —
и свершить.
Куй
за строкой строку.
Пой
строку за строкой.
Ритм
насыщай
синкопами,
в роли —
до боли,
до дрожи...

Но что идиота стращать!

Разве
 в башке
 отложится?
Спрос тут не ночевал.
Не вокзальная площадь.
Не угодно ли вам
чего попроще?
Ладно.
 Чем богаты.
Скинемся
 по извилине с хрыча.
Что делать — понятно.
С чего начать?
Где
 надавить на перо?
От задумчивости
 едет крыша
А тут по случаю
 умные люди
в учебниках пишут:
чтобы сделать поэму,
перво-наперво
надо определиться с темой —
то есть, попросту,
 о чем она будет?
Дескать,
 негоже ей
быть безымянным
 пупсиком.
В поэме
 важна идея.
Иначе
 не раскрутится,
развалится на куски,
и место ей —
 в параше.
Излияния лирические —

для дурочек
 одомашненных.
Может
 плестись
 по стенам
комнатное растение,
а на воле —
 поэме
положено иметь тему.

Эк, озадачили!
Ну просто беда.
Трусливо прячутся
вспоминаньица
куда подальше —
только бы не засветиться.
Кто тут
 в темы
 крайний?
Нет никого...
Не к чему
 приложить старание,
знания,
сознание
и самосознание —
или хотя бы правила правописания
литературного русского.
Хотел бы я сочинять
о чем-нибудь
 историческом!
Но вокруг меня —
ни историй, ни личностей.
Так бы
 воспеть
 революций драмы,
вдохновение и озарение,
романтиков упрямых,

прекрасных дам и
влюбленных рыцарей...
Но это в прошлом.
 Наши дни
буйных страстей
 не жалуют.
Нам важнее —
 уяснить
кто у кого на содержании.
Нынче историк пером скрипит,
не времена подсчитывая —
а кто,
 кого
 и почему
 купил,
с выгодой —
 или в убыток.
Дело житейское.
 Что скрывать!
Кушать-то
 все
 приучены.
А на чужой каравай,
так сказать,
 не засучивай!
Сумел добыть —
 хорошо.
Не добыл —
 сдохни.
Не загнил еще? —
ну так засохнешь!
Да,
 господа!
 Так всегда.
 И так везде.
 Что там
 иные эпохи!

Блохи —
 в любую эпоху
 блохи,
и этим
 отличаются
 от людей.

И это правильно.
Все путем.
Правдой-неправдою —
но живем.
Буржуазенько.
Прилично.
Без лунатиков на Луне.
События? — ни в коем разе!
Не то что исторических —
вообще нет!
Ни подвигов,
 ни открытий —
не разглядите.

Ползет
 из сегодня в завтра
какая-то
 мелочь пузатая.
Кто тут намылился
 в стихачи?

Чего попроще? —
 Нет уж!
Извольте перышки наточить
На старческую немощь.
Темы нет у вас?
А вот,
получите
 фигу с хреном!

Шествует по планете
абсолютный идиот —
герой
 нашего
 времени.

1. Ментальность

— Товарищ мент!

— Серый волк тебе товарищ!

— У меня беда.

— И хрен с тобой.

— Украли.

— Ну что еще?

— Вдохновение.

— Не понял...

— Да что тут понимать!

Было оно.

Маленькое, такое,

пушистое...

А вчера прихожу с работы —

уже темно,

и никого в доме.

То есть,

абсолютно

никого.

Так бы —

взять в ладони,

погладить...

— А может, оно — того?

Сбежало к кому другому?

— Да что Вы!

Всегда дома.
Оно и бегать-то не умеет —
только летать.

И то лишь пока в голове светится.
А так —
спит себе смирененько,
ни пить, ни есть
не просит...

— Ищи, как следует.
Наверняка завалилось где-нибудь.
Панику разводить раньше времени.
Что за люди!
А мы тут бегай, как шавки...
Шел бы ты отсюда, а?
Работать мешаешь.
У нас поважнее дела,
чем всякую мелочь
из-под диванов доставать.

— Нет, товарищ мент,
я Вам сущую правду...
Так же, ведь, не бывает...
За мною числилось,
столько лет кряду...
И вдруг — ни сном, ни духом.
Нет, тут дело нечисто.
Без злодейства не обошлось.
А у сыщиков
особый нюх,
они по одному слову —
роман отыщут.
Ну что Вам стоит? Поможете?
Тут рядом, два шага!

— Ну, если уж очень приспичило,
вот ручка, бумага...

Пиши. Разберемся.
Без заявления не положено.

— Да я пишу. То есть, заявляю.
Вдохновение не уберег.
Но кто же мог ожидать,
Шло, шло, как обычно...
И вдруг — такая беда!
Пожалуйста, найдите!
Я просто в отчаянии!

— Нет. Так не годится.
Надо: начальнику
отделения,
от гражданина,
проживающего.
Что. Когда. Обстоятельства.
Особые приметы.
Дата, подпись.

— Ладно, попробую...
Я ручкой-то не очень —
все больше по клавишам.
Ну кому мешало?
Жили так, скромненько...
Нет же, кому-то обязательно хочется
обидеть...

— Когда последний раз видел?

— Вчера. Или — завтра?
Или — в том году?
Да кто же его, время, считает!
Я же совсем про другое думаю.

— Думать надо тем, что сверху.
А не наоборот.

Окна, замки проверил?

— Станный вопрос.

У нас и двери-то

нет толком.

Так, занавесочка...

Кто угодно может войти.

Но чтобы украсть чужое вдохновение...

Никаких моральных устоев.

Тот еще тип!

— Слушай!

А что, собственно, переживать?

Ну сбежало, или кто упер...

Тебе-то не все ли равно?

Жив-здоров.

Своя физиономия на лице.

А там, глядишь, через пару вечеров,

другое подцепишь,

может, еще и получше.

Или купишь.

Закажи, вон, через Интернет.

— Нет,

в нашем деле других не бывает.

Что от роду получено —

так до упора тяни,

ухаживай за ним.

Оно, конечно, не в труд,

и уж тем более не в тягость!

Скорее, оно меня вытягивает.

А я из одной дыры — в другую дыру...

Но его — не обижал.

Хоть иной раз приходишь

совершенно издерганный.

Опять же — и жалко.

Пропадет, ведь.

Оно же у меня такое — крохотное!
Не как у некоторых — амбал.
А, вот, а без него — точно пропал.
Ни работы, ни отдыха...
Слоняешься, неприкаянный.
Разве это жизнь
для творческого человека?
Прямо хоть руки наложить!

— Ты что, совсем уже
черепномозговой калека?
А ну, дыхни!
Тверезый, вроде...
Как у тебя с документами?
Так...
Выдан...
Регистрация...
А работаешь где?
Поэт?
То-то я смотрю,
с завихрениями...
Где заява?
Мне что, самому за вас составлять?

— Так ведь, вдохновения же нет!

— Вот и гуляй.
Придет вдохновение —
допишешь заявление.
Будем мы разбираться
с каждым голодранцем!
Ежели ни на что не способный —
нечего и высовываться.
Прописка-то — не фонтан!
А что-то еще блеет.
И вообще, шли бы вы все в разные места
с вашими идиотскими проблемами!

2. Книгопродавец

А, опять!

Ну что Вам нейдет?
Ходят тут всякие.

Повылазили.
Вашу мазню идиотскую
на одно место намазать бы вам!
Что, как всегда?

Излияния
маразмирующей души?
Господи! Да на это даже спьяну
никто не глянет.

Авторитетно заявляю:
нет спроса — не пиши!
Это у вас там — брожение,
переходящее в гниль.

А бизнес — отслеживает
прежде всего прибыль.

Что продается —
то и издается.

Мы для масс
возле касс,
и у нас —
соцзаказ.

Что говорите?

Заказать?
Вам?

Ну, Вы, юморист, однако!
У Вас же опыта шлягерописания —
даже кот не плакал!

Тут нужны кадры
особые,
проверенные кореша...

Впрочем,
сегодня я добрый...

Так и быть —
ловите шанс!

Напишите что-нибудь легкое,
эдакое облако перышком...
Чтобы — без лишних намеков
и сюжетных прыжков.
Просто занимательная история,
наивная, радостная...
Жизненная правда?
Ну что Вы!
Этого не надо.
Творческая свобода —

соврите красиво.

Вы же не барышня, а я не кисель.
Хорошо бы еще добавить детектива...
Пусть даже убьют кого,
но не всех.

Народу трагедии не по карману.
И нам, стало быть, не тиражи.
Так что пусть персонажи главные
остаются жить.

А кто у нас главный? Понятное дело,
не хлюпики и лоботрясы.
Нужен герой — чтобы все умел,
а с виду — обыватель, как все.
Публика на таких западает —
без лишнего суперменства.
А если еще к нему и

дамочка

соответственная,
с формами и способностями,
вырисовывается —
тут все прямо-таки
лезут из кожи.

Но, конечно, делать ни с кого жизнь

Рискованный бизнес — дело благородное,
но лучше сидеть пайнкой,
чтобы золото — не только
по крышке гроба
или надписью на памятнике.

Что еще можно? Да мало ли!
Войны богов, мафия,
пиратские клады, мистика, инопланетяне...
Хохму какую-нибудь замочалить.
Чтобы народ в нелепой твари
узнавал соседа, или начальника.
Вот это — самое. Пойдет — на ура.
Даже без рекламы.
А насчет секса — поаккуратнее.
Если не попадаем
в возрастной ценз —
сразу тираж косим.
Не будем будить в ответственном лице
безответные вопросы.
Обойдемся без голого мяса.
Это дело чуют за версту.
Только оставьте вдвоем — а массы
всегда все правильно прочтут.

И напоследок: поменьше пейзажей.
Это даже не позапрошлый век.
Нашему человеку — важен
человек.
Подробнее: какая тачка, какой прикид,
сколько сортиров в доме...
Чтобы завидовали,
и хотелось тоже.
А где все происходит — народу до фени, —
Зазеркалье, Хренляндия, или эpsilon Кита...
Меньше абстрактных рассуждений —
больше обыденных тайн.

Интересно — как там дела у Васи,
 что в трусиках у Наташи, —
 то есть, их
 поступки и слова,
 а не Ваши.

Ну что, по рукам?
 За неделю сляпаете?
 Ладно, месяц даю
 на первый раз.

В минуту строка.
 Задача понятна?
 Вперед.

Выдавайте на гора.

Ставите точку —
 деньги на бочку.
 Вы нам товар —
 мы вам гонорар.
 А к гонорару много чего лепится.
 Про свое рванье забудете.
 Опять же, в ротацию вклеим —
 глядишь, закажут еще что-нибудь.
 Ну, конечно, дежурного критика
 прикрепим, для полной правильности.
 Он Вам напишет, где намусорить —
 чтобы самому не докапываться.
 Иллюстраторы на чем-то руку набили —
 уважьте, посмотрите эскизики;
 не надо слишком извилистых извилин,
 прямо с картинки и описывайте.
 Насчет раскрутки — это мы позаботимся.
 Так поднесем, что у народа
 по волосам мурашки забродят
 и засосет в животике.
 Любая писанина ракетой взлетит.

Что значит — противно?

Есть работа — верный доход.
 А доходы — они без запаха.
 Кто Вам на блюдечке преподнесет
 безбедное завтра?
 Знаете, если негра побрить —
 он не побелеет.
 Вы всего лишь пишете.

А мы — творим
 литературное явление.
 Хватит, наконец, бить баклуши
 и таланты разбазаривать почем зря.
 И уж соизвольте не фыркать, а слушать,
 когда умные люди говорят.

Ну, не хотите — Ваше право.
 Гуляйте с голой задницей.
 По коридору — и направо.
 И чтоб на глаза больше не показываться!
 Ишь, паразиты, — задирают нос!
 К ним по-человечески — а в ответ...
 Не то что пары приличных штанов,
 совести — и той нет.

Вышел
 на улицу,
 всесторонне оплеванный
 за то, что
 не умеет
 красиво врать
 солнце
 у горизонта —
 словно
 красная капля
 на кончике
 пера.

3. Облако без штанов

Даже если в поэты рылом
не вышел —
сердчишко-то
екает!

Даже если
вместо крыльев
зарплата —
все-таки
воображается иной раз,
подумывается
о паре сапфирно-синих
глаз,
о ножке
в хрустальной туфельке...

А пока
ничего такого нет,
можно
обычной плоти —
чтобы и грудь при ней,
и животик,
и все, что положено, под ним,
зримо
и осязаемо.

Все-таки бабы —
они
полезные
ископаемые!

Вот так.
Помечтать —
и в быт,
и забыть.
А не довелось —
перетопчемся.

Телевизора хватит.

Мало ли чего
 по жизни хочется!
К ядрене матери.
Простому народу —
год от году
лоскутные души перешивать...

Ну а поэту
без дела этого
просто полный творческий швах.

Пока
 не горит
 внутри
и в голове
 не вскружено,
мне зябко,
 мне недужится,
я весь —
 сопливый грипп!
Чихаю на все.
 Стихи долой!

Прозу тоже. Противно.
На кровать —
и плевать
в потолок.
Как последняя скотина.

Но чуть
 колыхнется
 шепоток
взрываешься,
 как сверхновая!
Скорее,
 из себя,
 из душных нор!

Измарываешь
 за листком листок,
рвешь,
 начинаешь заново,
ищешь
 в груди повседневных строк
одну,
 несказанно
красивую —
 обрушиваешь
ритмы ветра на рифмы крыш,
и вдохновляешься,
 и паришь —
просто сама воздушность...

Небо —
 дом
 поэта.
Блики тьмы,
 сгустки света,
атомы и планеты,
бесконечная лента
интимных услад
 и мировых скорбей —
все отражается в нем.

 Но это
ради тебя
 о тебе.

Иные
 хвалятся
 зоосадам
оклеточенных
 любенышей и любят.
Но я-то — твой!
 И надо мне
не кого-нибудь —
 а тебя.

моего
 любовного органа!
В любой
 из моих сердечных ран
легко
 поместиться может
вся твердь земная,
 весь океан —
и остальное тоже.
Да что планета!
 Ввысь взметнем
его
 багровые
 складки!
Свободно
 помещаются в нем
галактики и метagalактики.
Жертвой науки
 пасть замертво,
на самую большую площадь
 вывалить —
 нате,
любуйтесь!
 Анатомический театр.
Кунсткамера.

Не выгорит.
 Неонеандертальцы
прямо в сердца
 убитые
тычут
 с плакатов пальцами:
а ты
 записался
 любителем?
Нам профессионалы
не нужны.

с раннего плейстоцена
 женщина
 любовь
 берет в заклад
 под хорошие проценты.
 А тут — поэт,
 промотавшийся вдрызг,
 прыть
 на небеса
 растративший...
 Можно с таким
 выкарабкаться
 из вонючей дыры?

Вряд ли.
 Что же,
 всю жизнь
 сюсюкать с ним
 у корыта треснувшего?
 Толку от вашей
 болтовни,
 от идиотской
 бестелесности!
 Чувства —
 только тем хороши,
 что при малейшей
 проблеме
 им на подмогу спешит
 материальное подкрепление.
 Есть ли у тебя
 деньжищ куча,
 связи, перспективы —
 или хотя бы жильё?

Нет?
 Так вали отсюда.
 Не мучай
 ни себя —
 ни ее!

и виньеточек куцых?
Стоит ли
ухмыляться взахлеб
только
ради того, чтобы
из лжи
ползучей
подобие жизни
вымучить?

Вынуть батарейку —
и хана!

Больше времен нет.
Пустота и тишина.
Тот свет.
И даже не надо
в петлю лезть,
или в мозги из пушки.
Достаточно сесть —
и слушать...

Секунда упала.
Разбилась.
Вдребезги.
В пыль.
Вторая.
В прах.
Третья.
И полетели —
по две,
по пять,
мигопад,
секундная выюга,
тесно,
некуда падать —
разбиваются
друг о друга...

что крокодилу минет.
Мне без разницы.
И тебе
дела до меня нет.
Но когда
стервятники
нажрутса падали
и толстым брюхом — на покой,
отыщутся
боли моей
клады
под каждою строкой.
Когда
не останется
действующих лиц
в этой
невыдуманной
истории,
когда мои мысли
испелит
моих стихов крематорий,
и незачем
что-то кому-то объяснять,
упрямые
строфы
хмуря —
по сотням вселенных
развеев меня
несбывшейся нежности
буря,
и каждый
задрипанный электрон
в последней чумазой дыре
узнает
сладостнейшее
из имен
царственнейшей из царевен.

Чтобы мечту,
 на кванты порванную,
 угадывали
 даже в крошечной тьме —
 как синий взгляд,
 как волосы по ветру,
 как звонкий голос
 и смех.

Чтобы
 самый крутой
 из богов
 голову оперев
 в пудовые кулачищи,
 вспоминал —
 не меня, бесштанного,
 а ту,
 что выше
 и чище.

Книжечку аккуратненько закрыть,
 очки сложить в футляр для очков,
 слезки в баночку из-под черной икры —
 и в помойное ведро, чистой палочкой.
 Поэмные переживанья — это так,
 вроде душевной щекотки.
 А на десерт — мороженое с фисташками
 и леденец за щекой.
 Ровненько, гладенько —
 розочки в садике,
 рюшечки, кружево —
 друженьки с подружечками
 ничем не обеспокоены, не удручены...

Оно и понятно —
 кому ты нужен,
 если просрал
 последние штаны?

4. Контракт

Подкатился он ко мне
лысым чертиком:
помогите сатане —
и зачтется Вам!

Дескать, пламенем горю
просто адовым —
а всего-то закорюк
пару надобно!

Тут столетие на носу —
и в статистику,
хоть умри, но наплюсуй
четверть листика!

А начальство у меня
дюже строгое —
не святая размазня,
гнусь убогая!

Вставит в задницу ежа —
сбреешь набело...
И того гляди разжа-
лует в ангелы!

А тебе-то что терять?
Неприкаянный.
Пусть людишки матерят
хуже Каина!

Да тебя не прочь и так
сдать за полцены...
Им такие — натошак
по три порции!

Но зато в аду почет.
Чуть с копыт слетишь —
лучший пекарь запечет...
Тут традиции!

А в награду — черт-те что,
все — свежее нет...
К договору есть на то
приложение.

Деньги, слава — это так,
для затравочки!
В каждом городе — бардак
и шалавочки.

Договорчик при себе,
дело верное!
Не последнему тебе,
и не первому.

Подмахнешь — и сей же миг
счастье новое,
в самый розовый прикид
упаковано...

Ну, так что, уговорил?
Ведь не жрать с лица.
Эдак долго ли от рифм
Скандыбаситься?

А поэт — через соплю
доведись ему, —
все равно, куда пошлют? —
к черту лысому!

Так уж лучше с барышом,
чем с барыгами, —

пусть подарочки в мешок
сами прыгают.

Есть еще в тебе мозги —
жизнь безбедная.
Нет — пойду тогда других
исповедовать.

Черт с тобою, — я ему, —
дуй к начальнику
и скажи, чтоб адских мук
накачали мне.

Нет поэта без стиха,
жизнь ему не в кайф.
Коль без музыки подыхать —
так хоть с музыкой!

Тело уработать вдрызг —
дело плевое;
мне бы душу выдрать из —
и на дно ее!

Выжечь, вытравить следы,
чтобы не вяньгала
память, как вонючий дым
из торфяника.

Вот на это и нужна
сила адская.
Пусть достанет сатана
всеми цацками,

соберет со всех чертей
что есть моченьки —
чтобы прилипчивая тень
не морочила.

Больше дела, меньше слов.
Смерть покойникам.
А заманное фуфло...
Да на кой оно?

Огоньки услад и слав
запоздалые
автоматом посыла-
ются к дьяволу.

Ничего я не хочу.
Бляди, оргии...
Да видал такую чушь
в местном морге я!

Впрочем, что икру метать.
Сгинь, тошнотики!
Все едино, ни черта
не поймете вы.

Город. Грязный эшафот,
нами сколоченный,
чтобы народ из года в год
в муках корчился,

чтобы мысли и дела —
пятна трупные,
чтобы Вселенная пошла
злыми струпьями.

Мы нанесены, как грим,
на скелет его...
Не позорьтесь со своим
детским лепетом!

Наша сраная страна,
наша родина —

вот где самая она,
преисподняя!

Здесь — страшнее, чем
 Страшный суд, —
психи чокнутые
днем и ночью кровь сосут,
громко чмокая.

Здесь — тупые дикари,
воры, пьяницы...
А попробуй, убери! —
кто останется?

Что гигант, что лилипут,
что зверье в очках —
пляшем, дрыгаемся тут,
на веревочках.

Наплевать, что на душе!
Приклепают нам
рот в улыбке до ушей
крепко-намертво.

Веселее, господа!
Под сурдиночку!
Основная смехота
впереди еще.

Огнедышащей зарей
вспыхнет солнышко —
от макушки подберет
и до донышка.

И философ, и debil —
сплошь мерзавцы вы.

Всех природа истребит.
Точка. Занавес.

Что останется шутам
в этом адище?
Отыграл свое — а там
хоть на кладбище.

Нам издохнуть не впервой
за кулисами...
Ну, давай свой договор!
Где подписывать?

5. Дикобразы во мгле

Озабочены.
Озадачены.
Орабочены.
Озарплачены.
Мысли и дни в кулак.
В сторону — ни на шаг.
Жуют, коль положит
в пасть хозяин.
Плеваться — можно.
Выплюнуть нельзя.
Вон
 свет.
Вон
 тьма.
Звон
 монет.
Вонь
 дерьма.
Там,
 за границами,
 ад или рай,

или —
 сплошная черная дырища...
Какая разница!
Какая из разниц?
Кому не найти — не ищет.
Здесь,
 и сейчас,
 не дума
 туманится,
не лепит зайчиков наивное зеркальце —
прянично-глянцевых,
мажорно-скерцовых,
бисерно-сафьяновых,
шерочно-машерочных,
 нет тем —
да и на фига они
этим,
с иглками или без,
приученным
 и послушным,
ощупью,
 вповалку,
 где гниль — и несть
числа
 задушенным душам,
из века в век из пахоты в сон
блуда и войн — не плоть им, а
тысячи тысяч бездыханных солнц
на куликовом болоте.
Не ныне,
вдали бы —
иные
могли бы
вздернуться
 к небу,
опланетиться,
 осозвездиться,

жизнь разбросать по вспаханной целине
 и
 мыслить,
 и
 днить
 всем вместе...
 Но нет,
 под спудом
 цепей и книг,
 век короток,
 мир тесен, —
 не вырастает
 в мыслящий тростник
 интеллектуальная плесень.
 Получку в зубы —
 и прочь,
 долой
 с молитвенных очей,
 в дымную морось,
 в порочность
 ночи,
 в никомушность и ничейность.
 Он — она.
 Один — одна.
 Столкнуться, взорваться —
 и разбежаться,
 раствориться в лени
 дряхлых скоплений,
 чтобы
 без спиралей
 и прочих прочных вещей
 чувствовали бы и знали:
 все под защитой
 доброго дяди,
 барина
 или демона, —
 пусть радеет

о стаде,
жалеет,
 по случаям дарит
что-нибудь,
 дешево и сердито,
примажет звезду к звезде,
пожурит,
 по головке погладит —
взыщет или вознаградит.
Лишь бы не мечтали,
и не могли,
и не смели —
звездной золой
 неоны элит
над
 кристаллами
подлых панелей.
Блюсти дистанцию,
брать пример...
Имитация.
Буриме.
Но это мглистый,
 смердный свет,
со всеми его исчадьями, —
всё,
 и для всех,
 и других нет,
и это счастье — случаться
земными, подобными земным,
так же сильны,
тем же испуганы,
или восхищены,
бежать — и помнить,
 что и они
заражены
все той же
 безумной фугой...

Огастролены.
Отиражены.
Обустроены.
Онагражены...
Дамы и господа.
Кажется — хоть куда.
Плебсу завидки,
врагам назло...
Просто великие.
Повезло.
Рой
 норы —
роль
 видна:
крой
 морд —
кровь
 на.
Там,
 за границами,
 ад или рай,
или —
 наследные баталии...
Какая разница!
Какая из разниц?
Лежачий камень — на пьедестале!
И все в порядке
 с бегучей водой:
импортная сантехника,
лучший архитектурный дом —
чеково-книжные,
вилло-яхтовые,
шатлетно-лыжные
темы
 распахнуты —
о тех, кто
с иголками или без,

заученно и равнодушно,
не глядя,
 всем скопом,
 по костям,
по пеплу
 солнц
 задушенных,
эффектно скользит и
 горстями
черпает благосклонности небес.
Très bien.
Прекрасно.
All right.
Такое заведение.
Лампы — и мошкара.
Дикарям
высокие идеи
не по мозгам
им надо на пальцах:
ты (ткнули пальцем) — хам,
а этот (перст вверх) — страдалец.
За тебя,
 недостойного
 дорогих распятий,
ему
 принесут на ужин
нечто
 в излишествах и разврате, —
все, что тебе не нужно:
накипь с базара,
тусяк крутой,
твари для пары,
игорный стол,
бренди с текилой,
розовый торт...
Как это мило!
Полный восторг.

Думаете,
 просто
 у всех на виду,
 со всех сторон облупленным,
 когда конкуренты
 тут же крадут
 каждую глупость?
 Падшим
 можно
 лежать — и не париться.
 А тут — за струйки эфира
 цепляться
 бессонными пальцами
 дочерних фирм.
 Достигли, урвали —
 не на покой,
 не к картошке на дачу! —
 еще,
 еще,
 и еще, —
 таков
 закон
 вселенского
 рвачества.
 Казалось бы,
 раз огребли свое —
 и пользовали бы,
 что случай дал им...
 Как же! —
 грызутся,
 зверье на зверье,
 скандал на скандале.
 В этом ли
 суть
 золотого венца,
 ореола
 над черепом?

Если
 вот это
 есть царство царств —
зачем?
Нет,
 ничего личного.
 Кому-то оно,
может быть,
 в самый раз.
Но снова о том же:
 о тайне снов,
о звездах,
 о радугах,
 о неземной
любви —
 не за чужим окном,
не потом,
а здесь и сейчас!
А если
 вот так,
 брести, ползти,
высовываться как все,
где примоститься
 радости?
когда —
 розам в росе?
Да, все привычно, прилично,
понятно, как горсть монет...
Но нет
 ничего личного —
ни у кого нет.

Скажут:
 во, развел турусы!
Было бы, чего ради!
Выше нос! Не надо о грустном.
Преодолеем, сладим,

дырки замажем,
клинья вобьем, —
сказку расскажем,
песню споем...
Жизнь, говоришь, тошная?
А не слабо назло
тошности, понарошку
развесить гирлянды слов
про елку и праздник,
про снежный смех,
про странную радость,
одну на всех,
про то, как не спим всю ночь и
в подарок судьбы ждем?..
Не надо нам:
 строчка за строчкой —
неизвестно о чем.

На здоровье.
Как решите.
Бред закройте.
Боль заспите.
Не листайте, не читайте,
нет приветов — так прощайте...
Никого не зазываю,
никуда никем не зван,
не торгош, и не хозяин, —
а стихи не балаган.
Критикуют? Нет проблемы.
Не для публики здесь торчу.
Я поэт.
 Моя поэма.
Поэмею как хочу.
Мне дано творить — и рушить —
всем,
 себе,
 ни для кого, —

клетки,
 клеточки,
 клетушки
из
 дыхания
 моего.
Холоден,
 взволнован,
с грустинкою в глазах, —
по-разному
 мой голос
обязан меня сказать.
Иначе — зачем?
За-ради веков? денег?
Боги и чернь.
А по идее,
мы — звезды.
Мы сами себя возвысили,
всозвездили позы,
нутро высияли,
выжгли
 до последнего атома
кем-то когда-то
закачанную в нас отраву —
и это свято,
и это наше право.
От первых судеб,
 по пыльным далям,
по миллионам несбывшихся лиц,
мы,
 сбывшиеся,
 доскитались
до этой
 звериной
 Земли.
И надо болеть
 ее болью,

не возноситься над,
а бережно,
 терпеливо,
 любовно
вращать
 и выращивать
 имена —
слепые,
 наивно-чистые,
лучащиеся
 каждой клеточкой естества...
Но я поэт,
 и я
 не нуждаюсь
 в истине,
которая не права.
Если
 в грязи и крови
душа
 остается чиста,
это — как ни назови —
безддушная пустота.
Если средь
 стылых льдин
совесть
 не студит
 след,
значит — как ни суди —
совести
 просто нет.
Не поддаваться
 блаженной дикости,
не образом
 образов,
не вдоль, и не поперешно бродить, а
знать призвание —
 и идти на зов,

вязнуть
 в пучине трудных листов —
сбиваться с ритма,
 внимательно
вслушиваться
 в каждый стон,
воплощаться и всматриваться
в свободу,
 в каждый рай или ад
в каждом из каждых дней...
Другие
 договорят.
Но правда —
 только во мне.

6. Амбивалентность

В мире, говорят, все сложно.
все, говорят, неоднозначно.
Стало быть, все можно?
Все разрешено, значит?
А даже если и воля,
и нет никаких запретов,
совесть — забыть что ли?
Мерзость на всю планету?
Может, кому и легче
остаться кучей навоза —
но разум человеческий
разве для этого создан?
Когда ни хаты, ни краю,
ни даже гулькина носа,
хожу и недоумеваю,
и задаю вопросы
налево и направо.
Сочувствий, правда, не вижу.

Одни посылают к дьяволу,
другие — чуток ближе.
Отчего-то
им неохота
тратить слова
на идиота.
Но вы, опалаченные умы,
до коих не всяк довсячен, —
трудно вам хоть кусочек тьмы
от дуриголовой темы
оттяпать и замаячить?
Пусть голова кругом —
в аду, по кругам нагим,
веточками упругими
прорастают мозги...
Ядом удобряют,
полюют кипятком —
не слишком удобно
и легко.
И все же мечтается иной раз,
чтобы, хоть на пару строчек, —
вместо обугленных фраз, —
мысленнейший цветочек!
Чтобы не сном,
не дурью хмельной,
по самое оно
нюхнуть бы —
и навсегда, и все равно,
какие потом судьбы...
Можно спутать
лицо и ложь —
но эту минуту
вынь да положи!
Пусть где-то не вяжется —
не все же криво?
А на продажу все —
зачем творили бы?

Слепил уroda —
и так сойdet?
Что же — природа
для нечистот?
Гадость и есть гадость.
Если кому нормально —
я такой всеядности,
пардоньте, не понимаю!
Граждане великомудрые,
пролейте свет.
Хватит пудрить,
чего нет.
Будет — пожалуйста.
Устоит.
Не обижайтесь.
Все свои.
Побалабонили — и забыли.
Без утюгов, плавной ладонью
погладьте убогого по извилинам —
сколько стоит?
Ночью, во сне, тупить недосуг.
Но утром протрешь очи,
наружу выйдешь — а вокруг
хорошие — и не очень,
белые — и черные,
простые — и навороченные...
Тут господа ученые
все разъяснят доходчиво.

В мире, скажут, все важно,
нет ничего такого,
что следовало бы обеззараживать
и безусловно отбраковывать.
То, что одним боком
форменнейшее свинство, —
в каком-то смысле высоком
справедливо и истинно.

Вот, например, плюнули
в морду, дали пенделя —
это из области юмора,
и в этом своя идея.
Когда ни хаты, ни краю,
ни даже гулькина носа, —
извольте шестеркой в стаю
ехидствующих отбросов
и хохмачей юродивых.
Злорадно воображаем:
кого-то — в нужник мордами,
а тех — в гротеск ножами.
Взрослый дядя
на клумбе гадит
не просто так —
науки ради!
Низменности и высоты
живительно совокупление.
Вот и не трогают его менты,
знают: его экскременты —
символика обновления.
От вони даже нечистым
из ада — хоть на погост, —
а мы, эксгибиционисты,
за компост мозгов!
Урод-уродом,
в кабак да бардак...
Кайф! — век свободы
не видать.
А если кому-то впадается в мечты
и потянет на эдакости —
напомнить недолго: без нас ты
сплошная приставка «недо-».
Чтобы и сном,
и дурью хмельной,
по самое оно
в народе —

и навсегда, и все равно,
как времена бродят...
Кроме шуток.
Всем по пути.
Кто попутал —
тот и простит.
Пусть быдло куражится.
Блюдут над этим —
многоэтажные
благодетели.
Хари корячим —
кто мил, кто мал...
А дудка оплачена.
И будет бал.
За руки — и по кругу.
Возрадуйтесь, возлюбите.
Час мордобоя и ругани.
Круговорот событий.
Бодки с мордоротами?
Мне-то на кой?
Я же не против.
Сам такой.
Ну, не сдержался и
отструил...
Не обижайтесь.
Все свои.
Да, разумеется, для забавы,
для-ради великого дела,
неподобающее подобает,
и безлюдь людеет.
Маски, шуты, натужный рай...
Было завтра — будет вчера.
Проспишься — опять боязно:
подлость, зловоние, маразм...
Но как же тогда с любовью?
Казалось бы, что чище,
возвышеннее и беззаветней?

И на это отыщется
мнение авторитетное.

В мире, полагают, все скопом —
то есть, в одной куче
поэзия в штиле высоком
и блуд кобелей и сучек.
Что мадригал страстный,
что анекдот неприличный, —
для мудрости беспристрастной
нет никаких отличий.
Можете — копуляйте.
Не можете — соловьями
над лепестками блядей,
в клетке, на содержании.
Когда ни хаты, ни краю,
ни даже гулькина носа,
как ни благоуханничай —
похоти неотесанной
по жизни отдаваться...
Разве же не справедливо:
на деловые вливания —
солидный шматок близости?
Не краснея,
с ним или с нею, —
и вся любовь.
Куда яснее?
Да уж... Купили. Что и сказать!
То есть, без заковыристей,
боль и душевность сграбастать за
шкирку — и до унитаза.
Выкрасить — да выбросить.
Дудки! Коптите сами
исподних кругов жечь.
Псевдоученые сальности
поперек горл уже.
Ваши объедки?
Народец — нищ?

Даешь конкретных
духу пиц!
Вытошнит от базарных красот.
Люди — и чтобы люди нам
в дар, по душе, без рисовки,
возлюбленные возлюбленным...
Чтобы не сном,
не дурью хмельной,
по самое оно
влюбиться —
и навсегда, и все равно,
чем письма выцарапаны...
Кровью ли, потом,
пламенем, льдом, —
сейчас, без расчета
на потом.
Пусть памяти ссорятся,
в бреде бессонниц —
судить по совести,
и быть на совесть.
Не все покамест
дано отмыть,
и волки с клыками,
и волчья сыть...
Дабы не угораздило
не вовремя протрезвиться —
на плацу, на страже,
доблестная полиция.
Дескать, хорош вякать тут
на властный класс!
А непонятно —
так мы щас:
жабой по жабрам
юшки ручьи...
Не обижайтесь.
Все свои.
Разумеется, вольному воля.
Что сверху изволят — то и твое.

А кто особенно гла(дко)голые —
 так это,
 можно и поэта —
 под ружье.
 Тряхнут, как грушу, —
 будешь стрелять,
 за милую душу,
 в душу мать!
 А там, в прицеле, все равны:
 хорошие — и не очень,
 красивые — и черней сатаны,
 простые — и навороченные...
 Лишние вопросы — лишний труд.
 В правильно поставленной стране
 умные — вопросов не задают.
 На нет — и кнута нет.
 Свет в конце окопа,
 в гляделках тьма —
 для остолопа,
 для дерьма...

Господейшие из господ,
 низайше достопочтенные!
 Мы, конечно, слепее слепот,
 темнее темени.
 Где уж, нам, писучему племени,
 воспарить до прибыльных тем...
 Рифму состряпать — и то проблема.
 А поэму —
 проблема проблем.
 Пленники,
 лени,
 тлен
 лета,
 ни купоны не стрижены,
 ни головы —
 рыжие,

брызжущие
нелепостью
лепета, —
не засметаны,
не прокрыжены...
Но при всем при этом,
мы поэты,
а не вы.
Там, где ценники —
только циники:
им что пряники, что кулаки...
Сброд,
мошенники,
матершинники,
пропитые,
проданные
пошляки.
Что от щедрот?
Бездуховность
душная:
психованный,
задушенный,
затравленный народ
травку покурит,
в вену укол...
Литературы
никакой.
Смрад рекой.
Бузить не нам бы —
но
не амби — амба!
Валентность ноль.

Просветительнейшие из светочей,
премиальнейше авторитетные!
Допустим, мы дохлые веточки:
ни плодов, ни цветения, —

ни листика, ни фи́га...
Но куплеты не куплены,
и не умеют лгать
неласканные губы,
и требуют откровенности
израшпиленные сердца —
даже с изменниками
и подлецами.
Плевать нам на критику,
и на башли!
А надвое говорить —
к чертовой бабушке.
Автоматически посылаетесь.
Гори они
ярким пламенем —
ваши придури,
ваши нотации
и лекции,
диссертации,
публикации
по протекции,
льстивые фразочки
во славу...
Зря стараетесь.
Уступят слабые,
согнутся тоненькие,
нетвердые разбегутся, как ртуть, —
но скользким книжонкам
даже котенка
не надуть.
Тревожны, взволнованы,
расстроены
тем, что где-то снова и снова
ваше отродье,
амбалистый упырь
рвется с цепей...
Да, мы тупые.
Но вы тупей.

Блюстительнейшие из опор,
наильнейше кандалные,
вот он, я — горд,
скандален,
никому не нужен,
ни здесь, ни сейчас...
Но я подниму любое оружие
против вас,
против монстров обоженных,
за многих — один из...
Осторожнее!
Поэзию можно уничтожить —
но унижить
нельзя.
Не отменить по команде свыше,
по жесту хозяина,
того, чем мир живет и дышит:
дрожь восторга,
кипение мысли,
сладость страсти,
нежной искренности...
Непродажно: не дорого
и не взаймы —
просто мы там, где любовь и счастье,
а они — там, где мы.
Что бы со мной ни сотворили,
как бы ни вболотили,
был и буду — сказочной былью,
одухотворенной плотью.
Ничьим миром не мазан,
ни черта, ни ладана, —
жил
поперек указов,
из последних жил,
назло лжи...
Не нравится? Ладно,
наказывайте.
Ликую: заслужил!

7. На губе

Спокойно, полковник!
Не надо рычать.
При Вашем гастрите
оно не безвредно.
Не Вы меня
в авторы
назначали —
не Вам
меня и резать.
На то
вождеleyющих —
батальон!
Вот бы кого
выстроить —
приспустить нижнее белье,
да по выпуклостям нахлобыстывать!
Не можете?
Ну и ладно.
Пусть.
Я не кровожадный.
Но свои кровные
стишата
трогать не дам
господам-
дегенератам
в погонах и без.
Думаете,
если на губе —
так можно со мной
по-грубому?
Ха!
Раскатали губы!
Я что, работаю мало?
Или, может, Вы умеете лучше?

что это и есть
 предел
мечтаний и дел,
что вот оно, исконное
и неподдельное, —
достигли, добрались,
всем, так сказать, кагалом...
Дело за малым:
поделить
мир
 миром
 на точные порции
для волков и овец,
и никогда не ссориться,
и хватит писать конторам!
Концы куда надо —
 и конец
истории.

Но если я
 поэтъе ремесло
по зову,
 по приказу ли,
должен влить
 в лопату и кайло —
что-то не так в разуме,
и рано
 покойником на покой,
праведником ли, грешником:
за стеклом или за щечкой
конфетка, но по-прежнему —
не надо,
 стыдно,
 противно,
 бессмысленно...

Ну почему, спрашивается,
всякую всячину надо делить на
наше и не-наше?

Не хочу делиться!
Мое, не мое, —
какая разница!
Хочу, чтобы находили мы
друг друга
не по породам,
как зверье, —
а чтобы все едино:
кто был,
кто будет,
кем и когда, —
чтобы не угадывать
счастья
и не ждать, —
а вовсе не разлучаться.
Крабу — клешня, колючки — ежу,
высь — звездам, земле — земное...
Но чтобы та, кому я
принадлежу
была
пронизана
мною.
Во мне, понятно, — только она.
Так,
чтобы в строфы вплетали нас
во веки времен —
а поэты новые
забыли наши случайные имена
и звали —
просто любовью.

Товарищ полковник,
да слышу я...
Апоплексию-то прикрутите!
Не глохнет
свобода и праведность высшая
от всяких там
громковопителей.

Дело житейское:

 тяну, раз взялся
за гуж — и в кузов груздем.
Не грузи начальство — грузи самосвал...
Не трепыхайтесь! — погрузим.
И это, и другое, и много чего еще.
Мундирам пора пить море.
А мои стишата — не в счет.
Не для рабов

 творены.

За гранью

 уставного понимания?

Не обращайтесь внимания!
Один ответ за сотню бед.
Что дураку круглому
лишний раз соло на губе?
Повеселим

 публику.

По-пластунски и в присядку,
каждый вечер, день за днем,
и в партер, и на камчатку,
в пику подлому порядку
лысым солнышком сийнем!
Господа эстеты, критики и теоретики,
а также прочие

 голоса из сортира,

объясняю,

 коли сами не заметили:

искусство — не только игра.
В этом театре все — всерьез:
нет смеха без смеха,

 и слез без слез,

здесь правда взаправду,

 а жизнь — как жизнь,

и лишь одного не бывает — лжи.

Как бы ни ерничал гуляка-поэт,
кого бы из себя ни строил,

дойдет до дела — поблажки нет
 ни лирике, ни героям.
 Все, как на духу,
 не взирая на лица:
 король королей ли, шутов король...
 На вид — в сколь угодно полной амуниции,
 а душа —
 по форме номер ноль.
 И если,
 в миру политиков и менял,
 я,
 губошлеп по вызову,
 заделался поэтом —
 из истории меня
 атомной бомбой
 не вырезать.
 Пусть ваша грязь
 ко мне пристаёт —
 не по мадам флирт!
 Не заманить
 вдохновение мое
 шампанью под трюфели.
 Я был,
 и остался,
 для той,
 не чайной —
 выше любого неба,
 хотя и,
 быть может,
 в печали ее
 меня
 никогда
 не было.
 Тварью губастой
 из ада в ад —
 а то,
 в чем я действительно виноват, —

не искупить
 ничем,
 никак,
 не стереть,
 не загладить...
 Оттрубить бы честно
 положенные срока —
 и выйти на волю
 праведником.
 Но это из области
 дешевых мелодрам.
 Милые сказочки.
 Для милых дам.
 Розочки в вазочке,
 щели в замазочке,
 праведники в раю...
 Ну, припаяют
 лишнюю статью...
 Поганее не засунуть.
 Не светит — ни этого, ни того.
 Ни даже тьмы — ничевее ничего.
 В том-то и суть:
 не сбежать
 от бессмертия,
 не спрятаться
 от призвания —
 нет дороги
 к спасению
 от дорог.
 Совесть в конверте,
 многострадальная
 память
 ненайденных
 строк.
 Загубленной тенью
 бродить обречен
 по бреду поэмы
 ни о чем.

8. Призрак

Когда мне будет шестьдесят,
меня уже не будет.
И пусть посмертно голоса
и справедливо судят!

Припомнят мне мои грехи,
слабости и просчеты,
и неудачные стихи,
и плоские остроты —

и приобщат, и подошьют,
и на все сто навертят
безжизненную жизнь мою
и смертное бессмертие,

и что родня была не та,
и что ушел до срока —
и не сумел героем стать
без страха и упрека.

Мечтал себя пересоздать,
судьбу переиначить...
Вместо конкретного труда —
абстрактные задачи.

А в результате? Полный пшик.
Темно и бестолково.
Ни для себя, ни для души,
ни для чего другого...

Не завершил, не дописал,
не смог, не обеспечил...
все — от кого-то, все — не сам,
езде — чужие плечи.

В элементарнейших вещах —
слепой кутенок словно.
Вроде бы, много обещал...
Да так и не исполнил.

Ну хоть бы что-нибудь найти
в зачет — нет же, поди ты! —
ни языка, ни внешности,
ни счета, ни кредита...

Галактик с неба не хватал.
Мелькнул унылой тенью.
Не человечешко — а так,
ползучее растение.

Да, я приму любой упрек.
Мой жребий незавиден.
Кого любил — не уберег,
с кем близок был — обидел.

Спорил, ругался, поучал,
не взирая на лица,
безжалостно рубил сплеча
живую плоть традиций,

и в каждый божий монастырь
лез со своим уставом,
и жег душевности мосты
налево и направо.

Серьезен, словно эшафот.
Ни радости, ни смеха.
Мешал народу, и народ —
досадная помеха.

Ну, что еще? Дрова ломал,
считал: все поправимо...

В борьбе с химерами ума
не замечал невинных.

Не оправдать напрасных жертв
глубокомыслием глупым —
и не поднимутся уже
нечаянные трупы.

И приговор на пару строк
(мол, и того не стоит!):
бесчеловечен и жесток.
Не нужен. Не достоин.

Прелестно! Я мог бы и сам
родить такое диво.
Что проку воздух сотрясать
вдогонку подсудимым?

Я призрак, я немая тень,
бесформенное нечто;
один в крошечной пустоте —
никто, ничей, навечно.

Конец. Подведена черта.
И мне уже не надо
о снисхождении мечтать,
или просить пощады.

Зачем? Ни истины, ни лжи —
ни взглядов, ни вещей нет...
Как будто можно заслужить
любовь или прощение!

Оно или есть — или не добыть,
не вырастить с годами —
в молитве расшибая лбы,
смирненно угождая,

обожевляя каждый шаг,
стеясь под ноги пылью,
дыханию вторя, не дыша,
бессилие пересиливая...

Когда не любят — ни к чему.
Пройдет — и не заметит.
Не полыхнет — звездой во тьму,
или розой на рассвете.

Так и пришлось — ни для кого,
невидимо, неслышно, —
неведомым несуществом,
несбывшимся, небывшим.

Не нами предопределено.
Только совесть кристальной,
память светлее — все равно
от этого не станет.

В словах такое не излить,
не выразить стихами,
как струны гордые рвались,
как грудой бездыханной

мгновения падали за мной —
и с каждой потерей
захлопывались за спиной
невидимые двери.

И вот — последняя. Пришел.
Или ушел, быть может?
Всего достиг, всего лишен,
возвышенно ничтожен...

Был молодым или стариком,
грешен или оклеветан —

сон. Бесконечно далеко,
ненужная планета.

Она не для меня. Живым
сюда не достучаться.
Всему, чем одержимы вы,
свидетель безучастный,

я знаю сроки и места,
судьбы и знаки — что мне
ваших метаний суета,
предки или потомки!

Чем провидение одарить?
Точку — лишить пределов?
Ни мне, ни вам до этих рифм
нет никакого дела.

Не обещаю и не жду,
ни красоты, ни боли...
И человечьему суду
я неподсуден боле.

Пусть радость исторгает плач,
бедою станет счастье —
но даже этот мир-палач
убить меня не властен.

Ты, иссушающий слова,
торгующий любовью! —
напрасно подлая молва
танцует пред тобою,

как шлюха, бедрами тряся,
ждет голову на блюде...
Кому-то будет шестьдесят.
Мне — ничего не будет.

9. Наследие

Через столетие,
 через тысячу лет,
 а может быть,
 и миллион —
 и, может быть, вовсе
 не на Земле —
 но все же возникнет
 он.
 Какой он будет?
 Не угадать.
 Все у них
 будет по-своему —
 чище, свежее, —
 от бытовых помоев
 уже не останется и следа,
 Вселенная
 из мерзости нынешнего бытия
 выпорхнет, как из кокона,
 и он — свободнее.
 И все-таки —
 это я.
 Но не тот,
 противоречиями замученный,
 и даже не тот,
 кем хотел быть, —
 а возвышеннее и лучше
 воображений любых.
 Он сможет все,
 чего я не смог,
 достигнет
 любых высот,
 и каждую
 из непройденных мною дорог
 примет, найдет — и пройдет.

Им наши проблемы — без проблем,
им наши труды — делать нечего,
поймут, применят —
и даже эту поэму
восстановят
как динозавра по клеточке...
Не просто из любопытства,
не ради
снисходительного ознакомления —
им важно это
не потерять,
без этого
не истлеть.
И я,
реликтовая тень,
не по красе досадной родинкой —
а жизнью
в одном из грядущих тел,
духом
в пересозданной природе;
не в архиве
парой тоскливых строк,
не музейным
экспонатом —
но все еще странником
и пророком
на все пространства и времена.
Через столетие,
через тысячу лет,
а может быть,
и миллион —
и, может быть, вовсе
не на Земле —
но все же возникнет
он,
тот,
с кем заново переживать

боль и восторг
 неумелых шагов;
 мои чувства и мысли,
 дела и слова —
 все повторится
 в другом,
 по-другому.
 Дыханию — петь,
 глазам — сиять,
 губам —
 давать имена...

Но если
 в нем
 воскресну я —
 воскреснет и она.
 Мне одному —
 смысла нет.
 Все, чем я был жив —
 в ней, от нее,
 как тепло и свет
 солнца —
 для каждой из планет,
 и нужно только
 до конца дней
 быть рядом
 и ей служить.
 И если суждено кому-то
 рождаться
 и умирать,
 и возрождаться для новых мук,
 и снова
 уходить во тьму,
 но длиться,
 вопреки всему —
 она
 бессмертнее стократ.

Не исчезают
 красота,
истина, совершенство
искренность и такт,
мужество и женственность...
Да мало ли что!
 В сокровищнице времен
драгоценностей не счесть.
Но любая из них — только намек,
и в ней это есть.
Все, что достойно
 бытия,
ради чего нам
 костьми лечь, —
малая частица ее
 вечности
и ничтожнейшая из них — я.
Но я — причастен,
 и причащен,
и кое в чем
 нетленен, —
и буду врываться еще и еще
в шествие поколений.
Потому что когда-то
 всего на миг
стал искрой
 ее костра —
а значит,
 мой сумасбродный мир
уже не просто прах,
не просто каракули в тетради
или надпись на лбу,
это — обогащенный концентрат
для энергетики будущего.
Пусть не сумел
 признаться,
 приблизиться,

высказать
 и отдать,
 пусть вместо сказочного принца —
 житейская бездарность,
 но даже в своей
 пещерности,
 обреченности заранее, —
 я стал
 ее воплощением,
 одной
 из ее граней.
 Пошlostью изранен,
 обыденностью убит,
 нервно,
 неровно,
 неправильно —
 и все-таки любил.
 И уже только поэтому,
 из прочих книг,
 мою — Вселенная оживит
 в потомках —
 и прочно впечатает в них
 кусочек моей любви.
 Уважаемые наследники!
 Спокойно!
 Не надо лишней патетики.
 Мы — сублимат из облаков,
 сухая заварка в пакетике.
 А пиршество — только предстоит.
 Через утомительность перерождений,
 хаос причин, следствий и последствий,
 придет день,
 когда люди
 станут, наконец,
 людьми
 и вместо привычных
 неудобий

вылепят
 бесконечно прекрасный мир
по образу ее и подобию.
И все мы
 восстанем в нем,
 в ней,
и будем
 зеркалами
 ее сияния,
и первобытность наших дней
нагадить не в состоянии —
и вот тогда, наконец,
 я буду прощен,
и неприкаянный дух сможет
уйти на покой,
 кануть в бездну времен —
чтобы ни души
 больше не потревожить.
И станет просто, свободно, легко,
признаваться и знать:
нет больше
 ни демонов,
 ни богов,
не нужно
 ни памяти, ни стихов —
гармония
 и тишина.
И в бархатно черных
 непуганых улицах
нездешняя ночь
 при нездешней луне...
А звезды
 в кроватках созвездий
 уснули —
и носиками хлюпают
 во сне.

Эклибрис

На вершинах гор белый-белый снег —
Но цветов на снегу нет.
Облака над горами в синей вышине —
Но следов на бегу нет.
Будто в море волна — и эхо волны,
Мы с тобою разлучены.
Увидать бы хоть раз, хотя бы во сне —
Но и снов на строку нет.

У живых — живые желания.
К чему-то всегда тянет.
Вселенная чтобы — родником была,
и пить из нее горстями.
Чтобы всегда
ждать,
и надеяться,
и верить — не важно, в кого...
Пульс солнцестояний и равноденствий —
пока живой.

Желания
движут делами.
Приходится выкручиваться.
Потом вошли во вкус —
и давай плодить, одна другой лучше,
хитромудрейшую технику.
Есть рычаг — опора приложится.
Можно жить — и работать можно.
Так понемногу и выбрались из пещер,
и стало уютно прогресс двигать,
и придумали много полезных вещей —
но в конце концов
изобрели
книгу.

Странно. Зачем? Забавой пустой —
не платье ведь, не кусок хлеба...
Но в книгах есть все. И даже то,
чего никогда не было.
И вдруг оказалось, что от них,
исподволь, не бросаясь в глаза,
расходятся будущего нити,
людей в человечество связывая.
Не волны по воде,
не искры от пламени, —
но блики идей,
предвестье желаний
и жизнью.

Страница за страницей — завитушки, крючки.
Орнамент времени его пружины,
и маятники —
отсчитывают за столетием миг,
за земною секундой — галактический день...
И люди, в конце концов, тоже книги
в библиотеке судеб.
Одни нарасхват, зачитаны до дыр —
другие малоизвестны,
но каждому лучику каждой звезды —
его законное место.

Никто не живет вечно.
Каждому свой срок.
Не успеешь пролог прочесть —
уже эпилог.
Книги теряют,
жизни сжигают,
или они — просто ветшают,
и без реставратора —
нечего перелистывать...
А когда вообще уже не разобрать —
остаются экслибрисы.

На вершинах гор белый-белый снег —
 Но цветов на снегу нет.
 Облака над горами в синей вышине —
 Но следов на бегу нет.
 Будто в небе луна — и свет луны,
 Мы с тобою разлучены.
 Стать бы песней, как птицы поют по весне!
 Только слов в тайне губ нет.

Новые времена.
 Технический прогресс.
 Лавина информации.
 Новым нам
 всегда есть,
 чем заниматься.
 Дети
 привыкли бродить в Сети,
 по торрентам пиратствовать...
 Им уже скучно за буквами следить —
 им подавай в красках,
 чтобы бегало, шевелилось, мелькало —
 и тем самым повышало
 усвояемость материала.

Вот. Допрыгались. Итог всему.
 Всем человечеством или по одному, —
 китайцы и негры, девица и отрок, стар и мал —
 мы превращаемся в материал.
 Допустим. Не каждый готов
 в боги, или хотя бы в герои.
 Но объясните мне, кто и что
 будет из нас строить?
 Не знаете? А я бы не хотел
 в чем-либо фундаменте
 остаться одним из смертных тел
 другими телами сдавленным.
 Не знаю когда, не знаю где —

но помню по книгам старым:
есть вещи, которые — для людей,
а не компьютерных аксессуаров.

Пусть мы во Вселенной не одни,
и к делу не самые пригодные, —
носители разума любой природы
про любовь узнают из книг.
Неважно, проза или стихи, —
а может, и то, и другое, —
или просто реестр адских кругов,
или учебник химии —
но в каждом деле смысл один,
одна правда в любой мысли.
Без этого — в слюнявчиках до седин,
и в человека не вырасти.

Младенцы! не пяльте в экран глаза.
Нет ее там и близко.
Любовь невозможно показать —
ее надо высказать,
и выстрадать,
выносить в себе,
месяцы, года, столетия —
из подлого сердца вырвать стада
небесных бестий
и сумрачных учителей,
выкнижиться за листом лист,
за вечностью вечность —
чтобы в зверином теле поселить
хотя бы маленького человечка.

А дальше — уже есть, чем дышать,
ради чего лелеять
каждое слово, каждый шаг,
надежды и стремления,
радоваться и страдать, сомневаться —

но чуют еще полужвериным чутьем,
 что благодатная сень каждого оазиса —
 для него и для нее;
 а значит, надо быть, и не быть надо,
 и по учебникам неземных историй
 старательно разбирать незнакомые письма,
 чтобы строками — памятью любых сильней —
 навеки впечатать в стомиллиардный том,
 что было

и чего не было.

Пусть даже потом
 погасли звездные взгляды,
 восторгов прибой нем,
 и выцвел из старых тетрадей
 убористый почерк поэм;
 и плесень без мысли и совести
 любитя безучастно,
 превращая любви пути
 в нечто непечатное;
 когда по пустыням обледеневших душ —
 невидимые закаты
 в чужом одиночестве устало бредут
 без паспорта, денег и языка;
 и в розницу проданные дали
 по турциям обрыбились;
 и нет никого. И вот тогда —
 остаются экслибрисы.

На вершинах гор белый-белый снег —
 Но цветов на снегу нет.
 Облака над горами в синей вышине —
 Но следов на бегу нет.
 В том ли наша вина, что без нашей вины
 Мы с тобою разлучены?
 И пора возвращать, что пригрезилось мне.
 Но любовь — не могу, нет!

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Ментальность	9
2. Книгопродавец	14
3. Облако без штанов	20
4. Контракт	33
5. Дикобразы во мгле	38
6. Амбивалентность	49
7. На губе	60
8. Призрак	67
9. Наследие	72
Экслибрис	78